

R A D O

ЧЕТВЁРТЫЙ ПУТЬ

— РОМАН —

ТРИ ПУТИ. ОДИН ВЫБОР.

Mr.R

Четвертый путь

«Автор»

2026

Mr.R

Четвертый путь / Mr.R — «Автор», 2026

"Три пути. Один выбор. И тайна, которую лучше было не открывать." О нём говорят шёпотом. Его называют «тем, кого присылают». Он появляется тогда, когда человек оказывается перед выбором, от которого невозможно уйти. Девятнадцать лет он предлагает другим три пути. Никогда не решает за них. Никогда не вмешивается в последствия. Но однажды к нему приходит девушка, которая знает о нём слишком много. С этого момента прошлое начинает возвращаться, старые тайны - оживать, а привычные правила - рушиться. Что скрывается за тремя предложенными путями? Почему некоторые люди готовы на всё, лишь бы правда осталась в прошлом? И что произойдёт, если однажды появится "четвёртый путь"? Иногда выбор определяет не только твою судьбу. Иногда он определяет, "кем ты являешься на самом деле".

© Mr.R, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава	5
Пролог	6
Глава первая. Тишина	8
Глава вторая. Рассказ	10
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Mr.R

Четвертый путь

Глава

ЧЕТВЁРТЫЙ ПУТЬ

роман

Пролог

Ему было двадцать три, когда на крыльце трактира его остановила женщина в фартуке, заляпанном мукой.

- Вы тот, кого присылают, - сказала она. Не спросила. Утвердила.

Городок стоял на границе, там, где закон кончался вместе с асфальтом. Он приехал по делу, которое не стоило вспоминать, и дело закрылось быстро. Оставалось дожидаться утреннего автобуса. А женщина вытирала руки о подол и смотрела на него, как смотрят на человека, которого давно ждали.

- Моего сына убил сосед. За долг. Долг я отдала, сына не вернуть. - Она говорила ровно: слёзы кончились раньше. - Я хочу, чтобы он умер.

Он молчал долго. Потом спросил:

- Вы уверены?

- Да.

- Тогда почему вы плачете?

Она не плакала. Но посмотрела так, что он понял: вопрос был не о ней. Он искал причину отказать и не находил.

До утра они просидели в её кухне, где пахло остывшим тестом. Он объяснил всё. Путей три. Можно пойти к старейшинам, но те решат в пользу соседа, потому что у соседа земля. Можно пойти самой, с ножом, и тогда её повесят, а дочь останется сиротой. А можно позволить ему сделать это тихо.

- Только поймите, - сказал он. - Если это сделаю я, это буду я. Не вы. Вы получите облегчение, но не месть. Разницу почувствуете?

Она кивнула.

- И ещё. Вы будете знать, что человек умер по вашему слову. Каждую ночь. Выдержите?

Она не ответила.

- Я не тороплю. Могу уйти сейчас. Могу вернуться через месяц. Но если уйду, то уже не вернусь. Это тоже ваш выбор.

Она выбрала.

Через три дня сосед утонул в собственной бочке с дождевой водой. Никто не удивился: он пил. Никто не заплакал: его не любили. Женщина пришла на окраину, где он ждал автобуса, и протянула узелок с монетами. Он взял половину.

- Остальное оставьте дочери. И забудьте меня.

- Я не забуду.

- Знаю. Но постарайтесь.

Он уехал той же ночью. И впервые в жизни почувствовал, что сделал не добро и не зло, а третье - то, для чего у людей нет слова. Он не убил. Он исполнил. Разница была тонкой, но он держался за неё, как за перила над пропастью.

Слухи в таких краях ходят быстрее автобусов. Через год его уже ждали в других городах. Имени у него не было, и люди звали его словами той женщины: тот, кого присылают. Никто не помнил, кто первым так сказал. Присылают, когда деваться некуда. Только этот сначала заставлял выбрать, какой ценой.

Деятнадцать лет он раскладывал перед людьми три пути и шёл по тому, который они выберут. Он не спрашивал, кто чего достоин. Он и про себя не знал, достоин ли.

Однажды ночью он снял с себя всё: имя, репутацию, чужие долги и свои. Оставил одно - право уйти молча. Через месяц нашёл хижину над озером, в лесу, где нет ни телефона, ни адреса, ни людей, которые могли бы знать, где он.

Он не сбежал. Он вышел. Так, как выходил из каждой истории: тихо, без объяснений.

Иногда ему снилась та женщина. Она не плакала. Она просто смотрела и говорила: «Я не забыла».

Он просыпался, выходил на балкон, ждал рассвета и думал: может, это и есть плата. Не за то, что делал. За то, что помнит.

Прощения он не искал. Не верил, что оно существует для таких, как он.

Он просто жил. Без чужого выбора на плечах. И это оказалось тяжелее всего, что было до.

Глава первая. Тишина

Утро начиналось одинаково.

Он просыпался до солнца: не по привычке, а по телу, которое за сорок пять лет так и не выучилось спать дольше шести часов. Лежал минуту, слушал. Потом выходил на балкон.

Доски скрипели под босыми ногами. Этот скрип был единственным звуком, который он позволял себе до рассвета. Он садился на стул с продавленным сиденьем и подлокотником, отполированным чужими ладонями, и ждал.

Небо над озером становилось серым, потом синим, потом розовым. Из-за дальних сосен поднималось солнце, вода вспыхивала так, что слезились глаза. Он не шурился. Где-то внутри до сих пор жил человек, который не верил, что всё это - небо, вода, тишина - может принадлежать ему.

Кофе он варил на дровах, в медной турке. Плохой, самый дешёвый из лавки за двадцать километров: чтобы не возникло соблазна сделать из этого ритуал. Ритуалы остались в прошлой жизни. Но они прокрадывались, как кошки, и он перестал их гнать.

После кофе шёл к озеру. Раздевался на берегу, складывал одежду на камень и входил в воду по грудь, не торопясь. Озеро питали подземные ключи, и даже в августе вода обжигала. Он плыл до дальнего берега и обратно, и мышцы помнили, что такое сила. Шрамов в воде не было видно. Ему это нравилось.

Днём чинил хижину: сменил крышу, укрепил стены, сколотил полку для семи книг, которые перечитывал по кругу. Иногда писал - не дневник, просто буквы, которые не складывались в слова, - и сжигал. Это была не привычка, а гигиена. Чтобы мысли не залёживались.

Хижина досталась ему от охотника, умершего лет за десять до того. Дверь висела на одной петле. Он вошёл, починил её и остался. Никто не спросил, кто он. Место было ничьё. Как и он.

Так прошло три года. Раз в месяц он отправлялся в лавку: двадцать километров туда и столько же обратно. Крупа, соль, свечи, кофе. Продащица, сухая старуха с седыми усами, тоже молчала. Она то ли знала, кто он, то ли догадывалась, но в этих краях не спрашивали. Он клал деньги. Она кивала. Он уходил.

Три года он не сказал ни слова ни одному человеку. Он почти поверил, что это и есть жизнь. Не наказание, не искупление, не бегство. Просто жизнь.

Почти.

В то утро он уже снял турку с огня, когда услышал шаги.

Человеческие. По тропе, которая вела только к его хижине.

Он не обернулся. Помешал кофе. Потом, так, как учил себя все эти годы, медленно повернул голову.

На краю поляны стояла девушка. Лет двадцати, худая, в куртке с чужого плеча, рюкзак висит на одной лямке. Волосы растрёпаны, губа треснула и запеклась. Она смотрела так, как смотрят люди, которые очень долго шли и наконец дошли.

- Вы тот, кого присылают, - сказала она. Не спросила.

Те же слова, что когда-то на крыльце трактира. Двадцать два года спустя.

Он не ответил.

- Мне говорили, вас не найти. Что вы умерли. Что вас вообще нет. - Она говорила быстро, глотая слова. - Я искала через людей, через долги, через всё, что у меня было. Шесть дней шла.

Молодое лицо. Упрямое. Напуганное, но не тем страхом, от которого бегут, а тем, от которого остаются стоять.

- Уходи, - сказал он. Первое слово за три года, обращённое к человеку. Голос вышел хриплым, как дверь без смазки.

- Не уйду.

- Уйдёшь.

- Мне нужен выбор. - Она стащила рюкзак и бросила на землю. - Вы даёте выбор, а потом делаете. Мне рассказывали. Так сделайте.

- Кто рассказывал?

- Отец. Перед смертью. Сказал: если станет совсем плохо, иди к нему. Он единственный, кто не сойдёт.

Он закрыл глаза на секунду. Открыл.

- Как его звали?

Она назвала имя: Матвей Климов. И память выбросила его в ту ночь целиком, со всеми запахами.

Десять лет назад. Чужая кухня, сырой подвальный холод. Мужчина с разбитым лицом и трясущимися руками сидел на табурете и говорил, что знает одну вещь, и эта вещь его убивает. Ему дали три пути. Он выбрал сам, не чужими руками, и ушёл живой. Тогда это называлось победой.

- Он умер?

- Полгода назад. Сердце.

- Ты пришла мстить?

- Нет. - Она мотнула головой. - Я пришла выбирать. А мне нечем. - Голос дрогнул, и она стиснула зубы, пока не справилась. - Думала, вы научите.

Он смотрел на девочку, которая шесть дней шла через лес за человеком, которого не должно было существовать.

Я вышел. Это не моё. Я не могу снова.

Кофе остывал. Солнце поднималось над водой, равнодушное, как всегда.

- Сядь, - сказал он. - Рассказывай.

Она опустилась на землю у кострища. Он слушал и чувствовал, как то, что он три года держал под водой, под тишиной, под шрамами, открывает один глаз.

Озеро за спиной было спокойным. Будто ничего не изменилось.

Глава вторая. Рассказ

Он разогрел кофе, налил в свою единственную кружку и протянул ей. Себе налил в жестяную банку, которую когда-то нашёл на берегу. Аня взяла кружку обеими руками, как берут что-то хрупкое.

Её звали Аня Климова. Двадцать лет. Город в двух днях пути отсюда: заводы встали, люди остались.

- Отец умер весной, - сказала она. - Сердце. Три дня в больнице, и всё. - Она поморщилась, словно слова были невкусные. - На похоронах стоял мужик. В стороне, в хорошем пальто. Курил какую-то вонючую дрянь и смотрел. Я решила, что с завода.

Через неделю в квартире кто-то побывал. Дверь нараспашку, всё перевернуто, ничего не взято. Участковый сказал, что воры и что бывает, но по лицу было видно: сам не верит.

Потом в подъезде её остановили двое. Вежливые, в чистых ботинках. Один называл её «Анна Матвеевна».

- Ваш отец оставил у себя кое-что, что принадлежит нам. Мы бы хотели забрать.

- Что?

- Найдёте - поймёте.

Они оставили телефон. «Позвоните, когда найдёте». Аня выбросила его в мусоропровод и ушла к Ленке, подруге с первого класса.

Через два дня Ленка упала с моста.

Аня сказала это тем же ровным голосом, каким рассказывала про квартиру. Только пальцы на кружке побелели.

- По телевизору сказали: несчастный случай. Скользко было. В июне, понимаете? В июне скользко.

- Совпадение? - спросил он.

- Может, и совпадение. Проверять я не стала. - Она подняла глаза. - Взяла деньги, которые откладывала на институт, и пошла вас искать. Сестра у бабушки, в другом городе. Ей двадцать. Пока их не трогают.

Она искала его по цепочке людей: один знал отца, другой знал того, кто знал ещё кого-то. Каждый говорил «он умер» и смотрел в сторону.

Он слушал. Потом сказал тихо:

- Ты рассказала про квартиру, про подругу, про звонок. Про то, чего они хотят, ни слова. Ты знаешь.

Она долго молчала. Потом расстегнула куртку, вынула из-за пазухи конверт, серый от пота и дороги, и протянула ему.

- В подкладке отцовской куртки. Он её не носил, висела в шкафу. Я прочитала один раз. Второй не смогла.

Он развернул листок.

Почерк был неровный, нажим такой, будто ручку держали через силу.

«Аня.

*Если ты читаешь это, значит, меня нет, а ты, как всегда, полезла туда, куда не про-
сили.*

Девятнадцать лет назад за заводом убили Дениса Ковалёва, сына директора. Посадили Виктора Орлова, грузчика. Он не убивал. Я видел, кто это был: его младший брат Костя, семнадцать лет, пьяный, дурной. Костя умер через год. Виктор взял вину на себя, чтобы мать не узнала, что младший стал убийцей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.